

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: преслушание Человека, вследствие чего он утратил Рай — обиталище свое; затем указывается причина падения: Змий, вернее — Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлек в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподню. Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, еще не сотворены, и, следовательно, над ними еще не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее — Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, униженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своем. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспамятстве. Неисчислимые, они поднимаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ. Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет. Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемиум — чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются.

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул, —

Пой, Муза горняя! Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был тобою пастырь вдохновен,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью неба и Земли
Из Хаоса; когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих область, — я зову
Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Не тронутым ни в прозе, ни в стихах.

Но прежде Ты, о Дух Святой! — Ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца, —
Наставь меня всеведеньем Твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя ее;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все брренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.
Открой сначала — ибо Ад и Рай
Равно доступны взору Твоему, —
Что побудило первую чету,
В счастливой сени, средь блаженных кущ,
Столь взысканную милостью Небес,
Предавших Мирозданье ей во власть,
Отречься от Творца, Его запрет
Единственный нарушить? — Адский Змий!
Да, это он, завидуя и мстя,
Праматерь нашу лестью соблазнил;
Коварный Враг, низринутый с высот
Гордыней собственной, вместе с войском
Восставших Ангелов, которых он
Возглавил, с чьею помощью Престол
Всевышнего хотел поколебать
И с Господом сравняться, возмутив

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Небесные дружины; но борьба
Была напрасной. Всемогущий Бог
Разгневанный стремглав низверг строптивцев,
Объятых пламенем, в бездонный мрак,
На муки в алмазных цепях
И вечном, наказующем огне,
За их вооруженный, дерзкий бунт.
Девятикратно время истекло,
Что мерой дня и ночи служит смертным,
Покуда в корчах, со своей ордой,
Метался Враг на огненных волнах,
Разбитый, хоть бессмертный. Рок обрек
Его на казнь горчайшую: на скорбь
О невозвратном счастье и на мысль
О вечных муках. Он теперь обвел
Угрюмыми зеницами вокруг;
Таились в них и ненависть, и страх,
И гордость, и безмерная тоска...
Мгновенно, что лишь Ангелам дано,
Он оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил и видимую тьмой,
Вернее, был, мерцавшей лишь затем,
Дабы явить глазам крошечный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютей жар
Клокочущих, неистощимых струй
Текучей серы. Вот какой затвор
Здесь уготовал Вечный Судия
Мятежникам, средь совершенной тьмы,
И втрое дальше от лучей Небес
И Господа, чем самый дальний полюс
От центра Мирозданья отстоит.
Как несравнимо с прежней высотой,
Откуда их паденье увлекло!
Он видит соучастников своих
В прибое знойном, в жгучем вихре искр,

А рядом сверстника, что был вторым
По рангу и злодейству, а позднее
Был в Палестине чтим как Вельзевул.
К нему воззвал надменный Архивраг,
Отныне нареченный Сатаной,
И страшное беззвучие расторг
Такими дерзновенными словами:

«Ты ль предо мною? О, как низко пал
Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах! Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем связанный со мной, —
Взгляни, в какую бездну с вышины
Мы рухнули! Его могучий гром
Доселе был неведом никому.
Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! — не согнусь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...
Еще во мне решимость не иссякла
В сознание попранного моего
Достоинства, и гордый гнев кипит,
Велевший мне поднять на битву с Ним
Мятежных Духов буйные полки,
Тех, что Его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его Престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа? Ведь у нас
Осталось то, чего не может Он
Ни яростью, ни силой отобрать, —
Немеркнущая слава! Если б я

*...Вседоуцый Бог
Разгневаный стрелглав низверг строптивцев...*

Противника, чье царство сотряслось
От страха перед этою рукой,
Молил бы на коленах о пощаде, —
Я опозорился бы, я стыдом
Покрылся бы и горше был бы срам,
Чем низвержение. Волею судеб
Нетленны эмпирейский наш состав
И сила богоравная; пройдя
Горнило битв, не ослабели мы,
Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!»

Так падший Ангел, поборая скорбь,
Кичился вслух, отчаянье тая.
Собрат ему отважно отвечал:

«О Князь! Глава порфироносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Грозивших трону Вечного Царя
Деяньями, внушающими страх,
Дабы Его величье испытать
Верховное: хранимо ли оно
Случайностью ли, силой или Роком.
Я вижу все и горько сокрушен
Ужасным пораженьем наших войск.
Мы изгнаны с высот, побеждены,
Низвергнуты, насколько вообще
Возможно разгромить богоподобных
Сынов Небес; но дух, но разум наш
Не сломлены, а мощь вернется вновь,
Хоть славу нашу и былой восторг
Страданья поглотили навсегда.
Зачем же Победитель (признаю
Его всеильным; ведь не мог бы Он
Слабейшей силой — нашу превозмочь!)
Нам дух и мощь оставил? Чтоб сильней

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Мы истязались, утоляя мечь
Его свирепую? Иль как рабы
Трудились тяжко, по законам войн,
Подручными в Аду, в огне палящем,
Посыльными в бездонной, мрачной мгле?
Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?»

Ему Отступник тотчас возразил:

«В страданиях ли, в борьбе ли — горе слабым,
О падший Херувим! Но знай, к Добру
Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав.
Успехом нашим будет не однажды
Он опечален; верю, что не раз
Мы волю сокровенную Его
Собьем с пути, от цели отведя...
Но глянь! Свирепый Мститель отозвал
К вратам Небес карателей своих.
Палящий ураган и серный град,
Нас бичевавшие, когда с вершин
Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрыленный
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,
Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В насмешку, или злобу утолив,
Противник нам. Вот голый, гиблый край,
Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мертвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдем

Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
Вновь соберем разбитые войска,
Обсудим, как нам больше досадить
Противнику и справиться с бедой,
В надежде — силу или, наконец,
В отчаянье — решимость почерпнуть!»
Так молвил Сатана. Приподнял он
Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное, иль Земнородным —
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей — Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуей
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнется морю поутру, —
Так Архивраг разлегся на волнах,
Прикованный к пучине. Никогда
Он головой не мог бы шевельнуть
Без поущенья свыше. Провиденье
Дало ему простор для темных дел
И новых преступлений, дабы сам
Проклятье на себя он вновь навлек,
Терзался, видя, что любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро
Преображается, что род людской,
Им соблазненный, будет пощажен
По милости великой, но тройне
Обрушится возмездье на Врага.
Огромный, он воспрянул из огня,
Два серных вала отогнав назад;
Их взвихренные гребни, раскалясь,
Образовали пропасть, но пловец
На крыльях в сумеречный воздух взмыл,

*...Так Архивраг разлегся на волтах,
Прикованный к пучине.*

Принявший непривычно тяжкий груз,
И к суше долетел, когда назвать
Возможно сушей — отвердельный жар,
Тогда как жидкий жар в пучине тлел.
Такой же почва принимает цвет,
Когда подземный шторм срывает холм
С вершин Пелора или ребра скал
Гремящей Этны, чье полно нутро
Огнеопасных, взрывчатых веществ,
И при посредстве минеральных сил,
Наружу извергаемых из недр,
Воспламененными, а позади,
Дымясь и тлея, остается дно
Смердящее. Вот что пятой проклятой
Нащупал Враг! Соратник — вслед за ним,
Тщеславно ликовали гордецы,
Сочтя, что от Стигийских вод спаслись
Они, как боги, — собственной своей
Вновь обретенной силой, наотрез
Произволенье Неба отрицая.

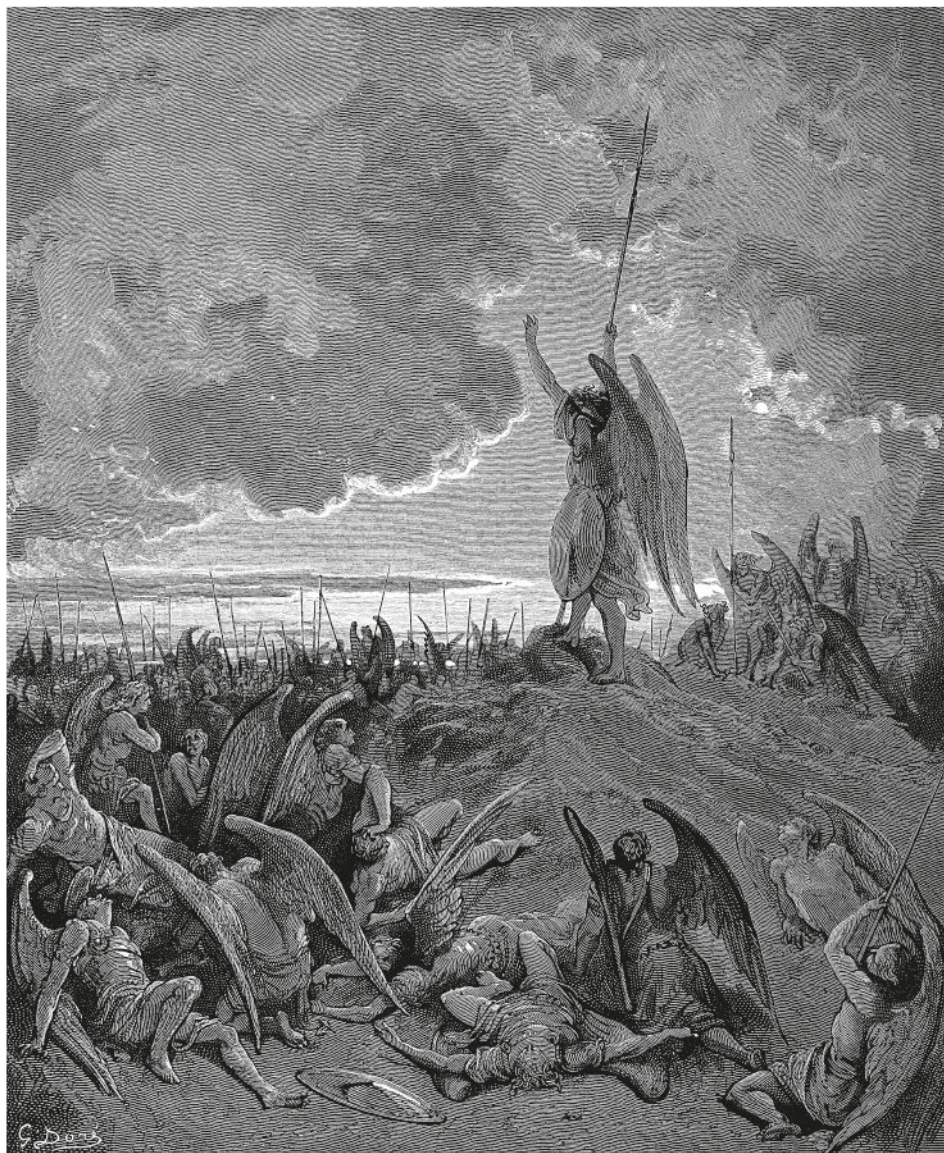
«На эту ли юдоль сменили мы, —
Архангел падший молвил, — Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой; в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловеющий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не утрашат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрел свое пространство, и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь, — в этом не слабей
Того, кто громом первенство снискал.
Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас
Из этих мест. Здесь наша власть прочна,

И мне сдается, даже в бездне власть —
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Но почему же преданных друзей,
Собратьев по беде, простертых здесь,
В забвенном озере, мы не зовем
Приют наш скорбный разделить и, вновь
Объединясь, разведать: что еще
Мы в силах у Небес отвоевать
И что осталось нам в Аду утратить?»

Так молвил Сатана, и Вельзевул
Ответствовал: «О Вождь отважных войск,
Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить! Пусть голос твой опять
Раздастся, как незыблемый залог
Надежды, ободрявшей часто нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
И мужество соратникам вернет,
Низринутым в пылающую топь,
Беспамятно недвижимым, оглушенным
Паденьем с непомерной вышины!»

Он смолк, и тотчас Архивраг побрел
К обрыву, за спину закинув щит —
В эфире закаленный круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда ее в оптическом стекле,
С Валдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пестром различить
Материки, потоки и хребты.
Отступник, опираясь на копьё,
Перед которым высочайший ствол
Сосны Норвежской, срубленной на мачту
Для величайшего из кораблей,
Казался бы тростинкой, — брел вперед
По раскаленным глыбам; а давно ль
Скользил в лазури легкою стопой?

Его терзали духота и смрад,
Но, боль преодолевая, он достиг
Пучины серной, с края возопив
К бойцам, валяющимся, как листва
Осенняя, устлавшая пластами
Лесные Валамбросские ручьи,
Текущие под сенью темных крон
Дубравы Этрурийской; так полег
Тростник близ Моря Черного, когда
Ветрами Орион расколыхал
Глубины вод и потопил в волнах
Бузириса и конников его
Мемфисских, что преследовали вскачь
Сынов Земли Гесем, а беглецы
Взирали с берега на мертвецов,
Плывущих среди обломков колесниц;
Так, потрясенные, бунтовщики
Лежали грудами, но Вождь вскричал,
И гулким громом отозвался Ад:
«Князья! Воители! Недавний цвет
Небес, теперь утраченных навек!
Возможно ли эфирным существам
Столь унывать? Ужели, утомясь
Трудами ратными, решили вы
В пылающей пучине опочить?
Вы в райских долах, что ли, сладкий сон
Вкушаете? Никак вы поклялись
Хваленье Победителю воздать
Униженно? Взирает Он меж тем
На Херувимов и на Серафимов,
Низверженных с оружием заодно
Изломанным, с обрывками знамен!
Иль ждете вы, чтобы Его гонцы,
Бессилье ваше с Неба углядев,
Накинулись и дротиками молний
Ко дну Геенны пригвоздили нас?
Восстаньте же, не то конец всему!»
Сгорая от стыда, взлетели вмиг
Бойцы. Так задремавший часовой

Восстаньте же, не то конец всему!

Спросонья вздрагивает, услышав
Начальства строгий окрик. Созная
Свои мученья и беду свою,
Страхнув оцепененье, Сатане
Покорствуют несметные войска.
Так, в черный день Египта, мощный жезл
Вознес Амрамов сын, и саранча,
Которую пригнал восточный ветер,
Нависла тучей, мрачною, как ночь,
Над грешной Фараоновой землей,
И затемнила Нильскую страну;
Не меньшей тучей воспарила рать
Под своды адские, сквозь пламена,
Ее лизавшие со всех сторон.
Но вот копьем Владыка подал знак,
И плавно опускаются полки
На серу отверделую, покрыв
Равнину сплошь. Из чресел ледяных
Не извергал тысячелюдный Север
Подобных толп, когда его сыны,
Дунай и Рейн минуя, как потоп
Неудержимый, наводнили Юг,
За Гибралтар и до песков Ливийских!
Начальники выходят из рядов
Своих дружин; они к Вождю спешат,
Блестая богоравной красотой,
С людскою — не сравнимой. Довелось
Им на небесных тропах восседать,
А ныне — в райских списках ни следа
Имен смутьянов, что презрели долг,
Из Книги Жизни вымарав себя.
Еще потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.
Им хитростью и ложью удалось
Раствить едва ль не весь Адамов род
И склонить к забвению Творца
И воплощенью облика Его
Невидимого — в образы скотов,